

Г.В. Еллинек

**Социально-этическое
значение права, неправды и
наказания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
Г11

Г11 **Г.В. Еллинек**
Социально-этическое значение права, неправды и наказания / Г.В. Еллинек –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 158 с.

ISBN 978-5-518-06488-1

ISBN 978-5-518-06488-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе къ русскому переводу.

Въ предисловіи ко второму изданію своей книги Еллинекъ отмѣчаетъ, что со времени ея перваго появленія (въ 1878 г.) смѣнилось цѣлое поколѣніе. Тридцать слишкомъ лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ, составляютъ цѣлую эпоху въ развитіи общественныхъ наукъ. Если, однако, нѣмецкій издатель настойчиво побуждалъ автора къ переизданію его старой работы, то въ этомъ едва ли слѣдуетъ видѣть только дань вниманія ко всему, что написалъ когда-либо знаменитый ученый. Предлагаемая читателю книга Еллинека имѣетъ не только историческій интересъ. Наряду съ очевидными слѣдами уже пережитыхъ воззрѣній, мы находимъ въ ней положенія, сохранившія свою силу и получившія прочное значеніе въ наукѣ.

Еллинекъ указываетъ, что его книга „стоитъ на грани двухъ эпохъ въ разсмотрѣніи затронутыхъ въ ней проблемъ: эпохъ спекулятивнаго и реалистическаго разсмотрѣнія“. Эта характеристика удачно подчеркиваетъ переходный характеръ, которымъ отличается настоящее изслѣдованіе Еллинека. Онъ остается здѣсь въ значительной мѣрѣ на почвѣ отвлеченныхъ разсужденій, не подкрѣпленныхъ еще тѣмъ богатымъ и глубокимъ изученіемъ положительнаго матеріала, которое составляетъ столь сильную сторону его позднѣйшихъ произведеній. Для самого автора работа эта имѣла переходное значеніе: она составляетъ какъ бы промежуточное звено ме-

жду его первыми философскими опытами („Die Weltanschauungen Leibnitz' und Schopenhauer's“. 1872, — „Die Beziehungen Goethe's zu Spinoza“, 1878) и позднѣйшими юридическими изслѣдованіями, прославившими его имя.

Переходный характеръ работы Еллинека отразился на нѣкоторой неясности его философскихъ положеній. Эту неясность слѣдуетъ, прежде всего, отмѣтить въ его вступительныхъ главахъ: во введеніи, гдѣ опредѣляется социальная наука, и въ первой главѣ, гдѣ опредѣляется социальная этика. Заслуживаетъ всякаго вниманія попытка Еллинека сблизить социальную науку съ психологіей. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ указаніямъ Гербарта и тѣмъ идеямъ, которыя развивались въ извѣстномъ журналѣ Лацаруса и Штейнтала: „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft“. Но мы тщетно ищемъ у Еллинека болѣе точныхъ опредѣленій въ этомъ отношеніи. Тѣ болѣе тонкія и глубокія стороны вопроса о соотношеніи психологіи и социологіи, которыя выдвинуты были позднѣе блестящимъ анализомъ Зиммеля, у Еллинека даже не затрогиваются и, повидимому, не предполагаются. Не ясно также и проводимое имъ различіе путей спекулятивной и эмпирической этики; не видно, въ какой мѣрѣ авторъ примиряетъ философскій апріоризмъ и эволюціонное созерцаніе. Мѣстами кажется, что онъ готовъ оставить открытымъ вопросъ о спекулятивной этикѣ, и обращая свое вниманіе на эмпирическія *проявленія* нравственнаго закона, хочетъ оставить разсмотрѣніе его *существа* внѣ круга своего разсмотрѣнія. Въ другимъ случаяхъ онъ отзывается о спекулятивно-этическомъ разсмотрѣніи съ рѣшительнымъ отрицаніемъ и пытается объяснить безусловный характеръ морали внѣшними условіями ея развитія.

Извѣстная эклектическая неясность философскихъ положеній осталась характерной чертой Еллинека и до настоящаго времени; но она особенно замѣчается въ его

ранней работѣ, по существу своему болѣе отвѣтственной въ философскомъ отношеніи.

Несмотря на общую философскую незаконченность, книга Еллинека содержитъ много очень цѣнныхъ указаній. Не опасаясь преувеличенія, можно сказать, что она необходима для каждаго, занимающагося вопросами общей теоріи права. Последнія главы—о неправдѣ и наказаніи—имѣютъ интересъ и для специалистовъ по уголовному праву.

П. Новгородцевъ.

Предисловіе ко второму изданію.

Лишь послѣ долгихъ колебаній уступилъ я настояніямъ издателя напечатать новое изданіе этой работы. Впервые она появилась тридцать лѣтъ тому назадъ, спустя нѣкоторое время послѣ ея написанія. Рѣшеніе издать подобнаго рода работу послѣ того, какъ смѣнилось цѣлое поколѣніе, ставитъ передъ авторомъ дилемму: или написать совершенно новую книгу, или оставить старую безъ измѣненій. Я избралъ послѣднее, предпринявъ лишь небольшія измѣненія, по большей части формальнаго характера.

Эта книжка можетъ представлять нѣкоторый интересъ и въ настоящее время. Она стоитъ на грани двухъ эпохъ въ разсмотрѣніи затронутыхъ въ ней проблемъ: эпохъ спекулятивнаго и реалистическаго разсмотрѣнія, при чемъ она содѣйствовала въ свое время переходу отъ одного къ другому. Это была первая нѣмецкая работа, въ которой отразилось стремленіе понять связь между преступленіемъ и наказаніемъ, какъ соціальными явленіями, и тѣмъ самымъ она отмѣчаетъ тотъ путь, по которому пошла три десятилѣтія тому назадъ современная наука. Иное, что тогда было новымъ, представляется теперь общеизвѣстнымъ и даже тривіальнымъ. Съ другой стороны, книжка снова подтверждаетъ, какъ медленно совершается прогрессивное движеніе науки. Литература вопроса стала съ тѣхъ поръ бесконечно богаче и многостороннѣе, проблемы же, какъ и ихъ рѣ-

шенія, остались старыми,—выводъ въ одно и то же время и грустный и утѣшительный. Символомъ чело-вѣческаго знанія служить не прямая линія, ведущая въ безконечность, а кругъ, возвращающійся къ исходной точкѣ.

Взгляды на методъ и цѣль изслѣдованія у меня съ теченіемъ времени измѣнились. Но многимъ изъ разви-тыхъ мною тогда основныхъ положеній я остался вѣренъ всю жизнь. Я не вижу также, чтобы мой опытъ рѣшенія проблемы о наказаніи былъ съ тѣхъ поръ замѣненъ лучшимъ.

Не только цѣлыя книги, но и отдѣльныя мысли имѣютъ иногда свою судьбу. Вызавшее оживленное обсужденіе мое опредѣленіе права, какъ этического ми-нимума, распространилось настолько, что стало крыла-тымъ словомъ, и уже приписывается, поэтому, другимъ авторамъ. Очень недавно оно цитировалось даже въ качествѣ извѣстнаго изреченія Шопенгауэра ¹⁾, за что я здѣсь, пользуясь случаемъ, выражаю признатель-ность.

Гейдельбергъ, 17 іюля 1908 г

Георгъ Еллинекъ.

¹⁾ Erich Jung, „Positives“ Recht, 1907, стр. 24.

ВВЕДЕНІЕ.

Соціальная наука.

Это — старая, часто повторявшаяся жалоба, что тѣ отрасли знанія, которыя въ какой-либо формѣ имѣютъ своимъ содержаніемъ или въ качествѣ предпосылки психическую жизнь человѣка, не въ состояніи дойти до общеобязательныхъ, неоспоримыхъ истинъ. Въ то время, какъ изслѣдователь царства природы сталъ уже пророкомъ и предсказываетъ на цѣлыя тысячелѣтія впередъ неизмѣнный ходъ планетъ, въ то время, какъ взору мыслителя открылись тайна теченія ручья, сущность строенія кристалла, силы, вызывающія пульсацію сердца,—работа мышленія въ тѣхъ областяхъ, гдѣ должно имѣть въ виду или исключительно или въ качествѣ одного изъ факторовъ наше собственное бытіе, представляетъ безрадостную картину громаднаго числа болѣе или менѣе хорошо изученныхъ фактовъ и почти такого же необозримаго количества мнѣній и воззрѣній, каждое изъ которыхъ считаетъ себя исключительно призваннымъ къ тому, чтобъ привести въ полный порядокъ собранный матеріалъ и овладѣть имъ. Какъ двѣ части свѣта, раздѣленные океаномъ, противостоятъ одна другой наука о природѣ и наука о духѣ, различныя по языку, образу мыслей и формѣ правленія; въ области первой—полное благоустройство и дружный трудъ, превышающій благосостояніе частей и цѣлаго; въ другой—

непрекращающаяся анархія и постоянная гражданская война между партіями различныхъ оттѣнковъ, которыя спорятъ за преобладаніе. Въ недавнее время отрядъ смѣльчаковъ изъ той счастливой страны переправился черезъ море, чтобъ покорить раздражаемое безконечной междоусобицей царство и подчинить строгой дисциплинѣ враждующіе между собою умы; и, хотя эти послѣдніе соединили теперь всѣ свои силы противъ дерзкихъ пришельцевъ, оружіе ихъ оказалось совершенно негоднымъ въ сравненіи съ испытанными вражескими мечами, и съ досадой въ душѣ покоряемые принуждены сдавать одну часть своей земли за другою.

Одно изъ главныхъ основаній того сопротивленія, которое было оказано проникновенію метода, давашаго такіе блестящіе результаты въ естествознаніи, въ другую область знанія, заключается въ глубокомъ личномъ интересѣ, который сознательно или безсознательно кладетъ отпечатокъ на изслѣдованія въ этой другой области. Ибо здѣсь острому ножу изслѣдователя приходится касаться нашего духовнаго и нравственнаго бытія, приходится изслѣдовать существо и правомѣрность общественныхъ и государственныхъ учрежденій, существованіе которыхъ представляется намъ въ такой же мѣрѣ первоначальнымъ и необходимымъ, какъ явленія окружающей насъ природы. Есть немало людей, которые серьезно опасаются, что углубленныя теоретическія изслѣдованія этого рода практически ведутъ къ потрясенію основъ, на которыхъ зиждется упорядоченная жизнь отдѣльныхъ лицъ и народовъ. Поэтому, въ этой области знанія рѣже, чѣмъ въ другихъ, можно встрѣтить научное безпристрастіе; здѣсь считаютъ возможнымъ опровергать научныя положенія, открывая ихъ гибельныя практическія послѣдствія, и признавать прочно обоснованными тѣ теоріи, изъ которыхъ можно вывести опредѣленные принципы и постулаты, которые уже предъ началомъ изслѣдованія имѣли для даннаго изслѣдователя зна-

ченіе непоколебимыхъ личныхъ убѣжденій. *Petito principii*—верховный логическій законъ научности этого рода, которая, хотя и „требуется объясненія явленій, но въ тоже время предписываетъ, откуда слѣдуетъ исходить“.

Во всякомъ случаѣ, нелишне, поэтому, предпослать изслѣдованію, возвращающемуся въ области науки о духѣ, ясное и точное опредѣленіе понятія науки и ея цѣлей. Разъ это понятіе установлено, представляется возможность указывать тѣ пути, которыми добывается знаніе, и избѣгать тѣхъ, которые ведутъ въ заоблачныя сферы безсодержательной спекуляціи.

Наука, это—констатированіе явленій и сведеніе ихъ къ первоначальнымъ, неразложимымъ болѣе элементамъ. Съ психологической точки зрѣнія всякое знаніе беретъ начало отъ двухъ вопросовъ: „что?“ и „почему?“, на которые требуется дать удовлетворяющіе умъ отвѣты. Если бы всѣ объекты были проанализированы и всѣ явленія сведены къ ихъ причинамъ, потребность человѣчества въ причинномъ объясненіи получила бы удовлетвореніе, и научное мышленіе пришло бы въ спокойное состояніе полной увѣренности. Остается, впрочемъ, еще вопросъ объ источникѣ познанія вообще, а также стремленіе связать безконечное разнообразіе отдѣльныхъ явленій въ единую картину міра. Философская и метафизическая потребность не утоляется тѣми рѣшеніями, какія даетъ проблемамъ мысли эмпирическая наука. Но эта наука хорошо сознаетъ свои границы и, прибѣгая къ самоограниченію, тѣмъ надежнѣе идетъ впередъ въ своей сферѣ. Она постигаетъ міръ лишь постольку, поскольку онъ является предметомъ опыта, и лишь въ такой мѣрѣ, въ какой она можетъ провѣрить свои данныя на пробномъ камнѣ опыта. У границъ послѣдняго она скромно останавливается, ибо знаетъ очень хорошо, что, хотя стремленіе перешагнуть черту опыта и обусловлено однимъ изъ глубочайшихъ запросовъ человеческого духа, тѣмъ не менѣе, оно еще

ни разу не привело къ удовлетворительному результату. И длинный рядъ мертвыхъ философскихъ системъ, предпринимавшихъ полетъ Икара въ пустое пространство апріорнаго мышленія, побуждаетъ ее съ благоразумной умѣренностью отказаться отъ подобнаго предпріятія. Она энергично отвергаетъ и каждую попытку подчинить ея движеніе принципамъ, которые возникли не на ея почвѣ и дѣйность которыхъ она не испытала.

Руководясь этими основными положеніями, естествознаніе съ давнихъ поръ накопило неисчерпаемыя сокровища и съ каждымъ днемъ на нашихъ глазахъ достигаетъ, держась только что указанныхъ принциповъ, все болѣе и болѣе высокаго развитія, открывающаго намъ неожиданныя перспективы.

Не въ такомъ положеніи находится наука, изслѣдующая нашу психическую и социальную жизнь. Откуда же эта разниа результатовъ въ обѣихъ отрасляхъ знанія?

Одна изъ самыхъ остроумныхъ и, съ извѣстными ограниченіями, самыхъ вѣрныхъ идей Огюста Конта ¹⁾ состоитъ въ установленіи въ исторіи развитія большинства научныхъ дисциплинъ трехъ исторически смѣняющихся эпохъ. Въ первую, теологическую эпоху, въ качествѣ моментовъ, обуславливающихъ измѣненія вещей, мыслятся непосредственно личныя, произвольныя и потому не поддающіяся учету силы; во вторую, метафизическую эпоху, на ихъ мѣсто становятся абстрактныя истины, гипостазированныя понятія, колеблющіяся между личнымъ и безличнымъ началомъ; наконецъ, въ третью, позитивную эпоху дѣлается попытка уяснить реальныя причины явленій, постепенно достигая этого съ помощью закона причинности. До дѣйствительныхъ, ясныхъ, непреложныхъ законовъ наука можетъ дойти лишь тогда, когда она вступить въ зрѣлый возрастъ третьей ступени развитія.

¹⁾ Съ его именемъ навсегда останется связаннымъ „*loi des trois états*“, хотя основная мысль этого закона была высказана уже Тюрго и С.Симономъ.